

ПОЛИНА БОРОЗДИНА

«ДРУГОГО РЕШЕНИЯ БЫТЬ НЕ МОЖЕТ»

ИСТОРИЯ О ТОМ, КАК ВОРОНЕЖСКОГО УЧЕНОГО ЛИШАЛИ
СТЕПЕНИ НА ПЛЕНУМЕ ВАКа 10 ИЮНЯ 1967 ГОДА

Прошло уже много лет с того дня, когда мне довелось сражаться с всесильным министром Высшего и среднего специального образования СССР, председателем ВАКа В.П. Елютиным, а я до сих пор не могу забыть этого. Конечно, какие-то детали позабылись, но главное сохранилось в памяти.

Событие это относится к 1967 году, когда в ВАК поступил донос, согласно которому кандидатская диссертация нашего выпускника А.Г. Белоцерковского, благополучно защищенная лет десять тому назад и утвержденная ВАКом, была списана с диссертации некой Шпеер (не помню инициалов). Обе диссертации были посвящены журналу «Отечественные записки», причем задачи, поставленные в них, были сходными — это анализ статей, опубликованных в журнале. Однако если А. Белоцерковский анализировал статьи 1868-1872 годов, то Шпеер ограничивалась 1868-1870 годами. Немаловажным было и то обстоятельство, что работа Шпеер была защищена в 1948 году, Белоцерковского — в 1957.

Но сигнал был получен, и по процедуре реакции на него на филологическом факультете Воронежского госуниверситета была создана экспертная комиссия, решение которой не должно было подлежать ревизии.

Председателем экспертной комиссии был назначен профессор В.А. Малкин, тогда заведующий кафедрой русской литературы, недавно сменивший на этом посту доцента Е.П. Андрееву. Диссертация А. Белоцерковского была выполнена под ее руководством.

Экспертная комиссия под руководством проф. Малкина подтвердила наличие плагиата. Как потом выяснилось, ее члены старательно выявляли общие и обязательные для кандидатских диссертаций тех лет места: ссылки на классиков марксизма-ленинизма, раскавыченные цитаты из сочинений В.И. Ленина, общеизвестные положе-

ния, неизбежные в близких по тематике работах. Для них этого оказалось достаточным, чтобы обвинить Белоцерковского в вульгарном плагиате. Концепции работ и количество лет, подвергнутых анализу, оказались вне внимания комиссии.

Дело о плагиате было передано на рассмотрение в большой Ученый совет университета, который, однако, подтвердил законность присвоения ученой степени А.Г. Белоцерковскому. В результате из ВАКа в ректорат пришла следующая бумага, помеченная 3. VI. 1967:

«Ректору Воронежского государственного университета профессору В.П. Мелешко.

Высшая аттестационная комиссия ставит Вас в известность, что 10 июня в 10 часов утра состоится заседание пленума ВАК, на котором будет рассматриваться кандидатская диссертация Белоцерковского А.Г.

На этом заседании желательно присутствие представителя совета университета, принимавшего участие в повторном обсуждении этой диссертации на заседании совета.

Председатель Высшей аттестационной комиссии В. Елютин».

Ректорат запаниковал. Несмотря на то, что проректор по учебной части П.М. Гапонов был историком по специальности, он не решился поехать. В конце концов, было решено послать декана филологического факультета, то есть меня, и заведующего кафедрой истории СССР проф. Лазаря Борисовича Генкина, хотя тот никакого отношения к диссертации Белоцерковского не имел.

Профессор Л.Б. Генкин был специалистом по народничеству, а что касается меня, то будто бы было сказано: «Бorozдина — человек смелый, умеющий убедительно говорить... Пошлем

Классовый подход в
литературоведении

ее». Возможно, что мою фамилию предложила Е.П. Андреева, которая знала о моем участии в подготовке кандидатской диссертации и ее защите. Кроме того, у меня были сложные отношения с проф. Малкиным, и кое-кому, видимо, желательно было, что называется, «подставить» меня.

Проф. Генкин, честный, порядочный человек и серьезный ученый, познакомившись с обеими диссертациями и выводами экспертной комиссии, понял, как обогнали Белоцерковского, и смело ринулся на его защиту. Не было сомнений и у меня.

Мы оба понимали, что дело здесь не в Белоцерковском, а в стремлении скомпрометировать трех человек, имевших отношение к его защите. Этими людьми были: руководитель (официальный) диссертации Е.П. Андреева, которую проф. Малкин, став заведующим, «выжил» с кафедры; первый оппонент проф. Н.И. Кравцов, являвшийся в то время председателем экспертной комиссии ВАКа и не пропустивший чью-то диссертацию, и известный специалист по народничеству проф. Б.П. Козьмин, фактический руководитель диссертации Белоцерковского, к тому времени уже покойный. Он-то, по-видимому, и был главным «виновником» этой гнусной истории.

Борис Павлович Козьмин (1888-1958) – крупный ученый, известный исследователь истории общественной мысли и революционного движения в России XIX века, редактор собр. сочинений А.И. Герцена, Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова, как характеризует его «Краткая литературная энциклопедия» (т.3. М., 1966, с. 643). Такую же высокую оценку научного вклада Б.П. Козьмина подтвердил и его некролог, помещенный в журнале «История СССР», №5 (сентябрь-октябрь) 1958 года:

«В последние годы своей работы Б.П. Козьмин много сил и энергии потратил на то, чтобы восстановить ленинскую характеристику революционного народничества 60-70-х годов как единого общественного явления в

истории революционно-демократического движения в России, но имевшего свои оттенки социалистического-утопического характера. Исходя из высказываний В.И. Ленина, по вопросам развития разночинно-демократического этапа общественного движения, он убедительно раскрыл многогранность, сложность и противоречивость воззрений революционных народников, правильно оценил их прогрессивную роль в истории освободительной борьбы. Пользуясь марксистской методологией, глубокий исследователь умело объяснил историческую ограниченность и ошибки революционных народников в социально-экономическом развитии России того времени» (стр. 252).

Однако, несмотря на признание заслуг ученого, судьба его научных идей складывалась нелегко, несмотря на авторитет. Ведь он фактически первым начал пересмотр концепции народничества, закрепленной в «Кратком курсе истории ВКП (б)» (1938), где оно трактовалось как шаг назад от революционно-демократического этапа русской революционной традиции, как враг марксизма.

Свою концепцию народничества, не совпадавшую с привычной, сталинской, Козьмин изложил уже осенью 1954 года в докладе на секторе истории АН СССР, который в то время располагался в Москве на Волхонке. Что это была первая, с опаской воспринимавшаяся научным сообществом попытка восстановления исторической истины, требовавшая от ученого и гражданского мужества, и сил, свидетельствует литература, посвященная научному наследию Б.П. Козьмина. В ней нигде не упоминается о том, что до опубликования статьи доклад был прочитан для широкого круга историков. Так, в монографии В.А. Твардовской «Б.П. Козьмин. Историк и современность» (М.: Институт Российской истории РАН, 2003) говорится о том, что Козьмин «с готовностью принял предложение сделать обобщающий доклад перед предстоящей конференцией по народничеству, которая планировалась в Институте

истории АН. Однако дирекция института так и не решилась на это мероприятие, которое грозило быть слишком бурным и неуправляемым» (с. 213).

Однако доклад был прочитан, я тому свидетель, так как была приглашена Борисом Павловичем и сопровождала его от его квартиры на Сивцевом Вражке (д. 9, кв. 1), где я тогда находилась вместе со своим мужем, проф. И.Н. Бороздиным. Его сестра, Тамара Николаевна, была женой Козьмина. Борис Павлович в это время неважно себя чувствовал, т.к. незадолго до этого пережил тяжелое горе — гибель сына Олега. Кроме того, он знал, что для меня его доклад будет очень интересен. Я не помню точного названия доклада, скорее всего, он назывался «Народничество на буржуазно-демократическом этапе освободительного движения в России», т.к. под таким названием доклад был опубликован уже после смерти историка в журнале «Исторические записки» (Т. 65. 1959).

Зал был полон, атмосфера в нем была какой-то настороженной. И не удивительно: после смерти Сталина прошло совсем мало времени, а Борис Павлович предлагал изменить по сути дела сталинский взгляд на народничество.

Доклад был прочитан при гробовом молчании слушателей. После него не было ни аплодисментов, ни вопросов и никакого обсуждения. Докладчика поблагодарили, и мы ушли при том же молчании присутствующих, что и во время доклада.

Несмотря на то, что от Сивцева Вражка до Волхонки было совсем близко, Борис Павлович трижды останавливался, чтобы принять лекарства. Я волновалась за него и не задавала никаких вопросов.

Мне кажется, что дирекция Института истории сознательно уничтожила все упоминания о прочитанном докладе, иначе автор упомянутой выше монографии знала бы о том, что он состоялся.

Однако ученый не сдавался. Он продолжал свои изыскания, публикуя их в статьях и монографиях. Наиболее интересной в этом отношении стала опубликованная в 1957 году его монография «Русская секция Первого Интернационала», ставшая сразу же библиографической редкостью.

Крупный историк, настоящий ученый и большой труженик, Борис Павлович работал буквально до последних дней своей жизни. Незадолго до его кончины я провожала его в санаторий и возмущалась тем, что он, очень больной тогда, взял с собой машинку и начатую научную работу. Борис Павлович не без удовольствия ответил мне, что врачи разрешили ему работать по два часа в день. А через несколько дней, вернувшись от своей сестры, где я провела ночь, я никого не застала дома. Домработница поведала мне грустную весть: Бориса Павловича больше нет.

Б.П. Козьмин умер, но борьба вокруг его взглядов на народничество продолжалась. Несмотря на то, что в некрологе (1958) была высоко оценена позиция ученого, раскрывшего «многогранность, сложность и противоречивость воззрений революционных народников», в конце 1960-х годов, когда начался пересмотр раннеоттепельных позиций и в науке, и в общественной жизни, отношение к народникам в очередной раз менялось. Изменилось в отдельных кругах и отношение к концепции Бориса Павловича. Свидетельством этого и служит история с нашим выпускником А.Г. Белоцерковским.

Как известно, у Козьмина не было аспирантуры, но, несмотря на это, он оставил после себя целую группу последователей. Борис Павлович охотно делился своими мыслями о народничестве с каждым, кто в них нуждался. Я это знала и потому легко откликнулась на просьбу Е.П. Андреевой познакомить ее аспиранта, выпускника филологического факультета ВГУ Александра Белоцерковского с Козьминым. Знакомство произошло в нашем доме, т.к. в конце 1954 года Борис Павлович приезжал к нам в Воронеж, где в это время гостила его жена.

Борис Павлович, узнав, что Белоцерковский решил заняться «Отечественными записками» 1868-1870-х годов, охотно согласился консультировать его работу, фактически став руководителем начинающего ученого. Когда диссертация была закончена, он дал на нее положительный отзыв, который, разумеется, был оглашен на защите. А.Г. Белоцерковский, получив искомую степень, стал работать в Арзамасском пединституте, получил звание доцента. Ну, а затем последовали донос в ВАК, экспертная комиссия, ученый совет ВГУ и наконец пленум ВАК, на котором был поставлен вопрос о снятии ученой степени Белоцерковского и о закрытии диссертационного совета университета. Причиной всех этих событий, несомненно, была концепция народничества, на которой А.Г. Белоцерковский построил свою диссертацию. После того, как вышел сборник, посвященный памяти Б.П. Козьмина «Общественное движение в пореформенной России» (М., 1965), где поддерживалась его концепция народничества, последовал донос в ВАК. Если при жизни Б.П. Козьмина были доносы в ЦК и гнусные выпады в печати, направленные прямо против него, то в дальнейшем его противники прибегли к другим методам. Цель была ясна: уличив Белоцерковского в плагиате, скомпрометировать покойного Козьмина, давшего положительный отзыв и фактически руководившего диссертацией, а заодно и Н.И. Кравцова, первого оппонента, кому-то не угодившего.

10 июня 1967 года мне запомнилось на всю жизнь. Разумеется, я постаралась подготовиться к столь ответственной встрече с могуществен-

ным Пленумом. Большую помощь мне оказала Н.И. Якушкина, мой многолетний друг, крупный ученый и очень хороший человек. Я ночевала у нее, и весь вечер мы обсуждали возможные варианты предстоящего боя. А что будет бой — мы не сомневались. Поэтому составили краткий конспект ответов на возможные вопросы. Несмотря на то, что Наталия Ивановна была биологом по специальности и плохо представляла себе материал предстоящего обсуждения, ее советы, как оказалось, очень помогли.

Не могу не вспомнить одно довольно непонятное совпадение. Вечером, а затем ночью я несколько раз мысленно за помощью обращалась к Илье Николаевичу и, ложась спать, сказала Наталии Ивановне, которая искренне его уважала: «Вот если был жив Илья Николаевич, он бы научил меня, как мне держаться на этом судилище, когда говорить, как отвечать на вопросы».

Утром мы встретились с Лазарем Борисовичем Генкиным на улице Жданова в доме № 11, где тогда помещался ВАК. Некоторое время молча сидели, ожидая, когда вызовут. Наконец, референт пригласила нас в зал заседаний. Войдя, я увидела п-образно поставленные столы и много сидящих за ними мужчин (почему-то я не заметила ни одной женщины). Мы осмотрелись, стараясь найти свободное место, и тут сидящий близко от входа высокий, средних лет человек, подвинувшись, пригласил меня сесть рядом с ним. Лазарю Борисовичу нашлось место напротив. Устроившись, я стала вслушиваться в происходящее. У центрального стола какой-то среднеазиат, как я поняла, таджик, защищал основные положения своей диссертации. Так как речь шла о творчестве Садриддина Айни, я невольно шепотом стала ему подсказывать. Сидящий рядом со мной мужчина спросил:

— Вы по этому вопросу?

— Если бы, — с горечью ответила я. — Для меня все эти вопросы были бы пустяковыми. Нет, мы из Воронежа, по делу Белоцерковского.

— Ну, плохи дела, — сказал сосед. — Вечера нас собрал Елютин и сказал, что степени надо лишить, так как экспертная комиссия установила наличие плагиата, а Ученый совет ВГУ — закрыть

— Но плагиата не было, — твердо возразила я. — Белоцерковского оклеветали.

Сосед, помолчав немного, спросил:

— Как там Москаленки живут?

— Что им делается? — сухо ответила я. — У них все в порядке.

— Так передайте им привет.

— От кого? — спросила я.

— От Рыбакова.

— Так я вас знаю, Борис Александрович, — не без удивления воскликнула я.

— Откуда?

— Моя фамилия Бороздина, — кратко сказала я.

— Вы жена Ильи Николаевича?

— Да, и близкая родственница Бориса Павловича, против которого все это и затеяно.

Моим соседом оказался известный ученый, академик Б.А. Рыбаков, с которым мой муж и Б.П. Козьмин были в дружеских отношениях. Рыбаков помолчал, потом вдруг произнес, почти приказал: «Просите слова и кратко скажите, почему ваш совет не посчитался с выводами комиссии». И я негромко, но твердо спросила: «Дозволено ли будет высказаться представителям Воронежского университета?» (Елютин только что закончил информацию о предстоящем обсуждении). Все затихли, и я твердым и ясным голосом кратко произнесла то, что было подготовлено заранее. У меня сохранился текст выступления. Я сказала: «Совет, подтверждая степень, руководствовался следующим:

1. Диссертация в исходных своих положениях не только не совпадает с диссертацией Шпеер, но даже противоположна ей по концепции, как в освещении общественно-политической позиции журнала, так и в оценке важнейших эстетических и литературно-теоретических вопросов.

2. Работа Шпеер была защищена в 1948 году, и в оценке литературного народничества ее автор следует концепции «Краткого курса истории ВКП (б)». Белоцерковский, анализируя статьи, помещенные в «Отечественных записках» 1868-1872 годов (Шпеер ограничивается 1870-м годом) утверждает, что в решении таких важных проблем, как проблема положительного героя, проблема типического, идейности в искусстве и др., журнал продолжает традиции революционных демократов, а не отступает от них, как это следует, исходя из концепции «Краткого курса».

3. Работа Белоцерковского была выполнена под наблюдением известного специалиста по народничеству проф. Б.П. Козьмина, который дал ей положительную оценку.

4. Что же касается текстуальных совпадений, то они имеют место. Совет порицает за это Белоцерковского, но учитывает следующее: общность материала, который анализировали оба диссертанта, не могла не породить много похожего в словесном оформлении. Кроме того, оба они использовали расхожие словесные штампы, ходячие фразы, не имеющие принципиального значения.

5. В деле Белоцерковского имеется письмо Шпеер, в котором она отрицает наличие плагиата.

6. Наконец, Белоцерковский после защиты диссертации продолжает заниматься избранной темой. По материалам «Отечественных записок» им опубликованы четыре работы».

Меня слушали очень внимательно. Когда я закончила свое выступление, один из присутствовавших, думаю, что это был академик Б. Гафуров, предложил: «Может быть, стоит отложить рассмотрение вопроса, так как доводы т. Бороздиной

очень серьезны, и назначить новую комиссию?» Министр решительно ответил: «Нет. ВАК не имеет права подвергать пересмотру выводы назначенной им экспертной комиссии».

После этого начались вопросы. Л.Б. Генкину очень грубо не дали говорить, так как он начал подробно излагать различие концепции народничества, содержащиеся в «Кратком курсе» и в работах Б.П. Козьмина, к тому времени уже опубликованных. Б.А. Рыбаков тихим голосом советовал мне, когда говорить, когда помолчать, о чем сказать и т.д. Его советы очень мне помогли. Так, на один из вопросов я ответила важным положением отзыва Бориса Павловича на диссертацию. В нем утверждалось, что период с 1868 года по год 1871 был новым этапом в истории журнала в связи с переходом его в руки Некрасова. Журнал превращался из либерального органа в демократический. От себя я добавила, что этого положения в диссертации Шпеер не могло быть.

Вопросы были разные, порой даже не очень корректные. Так, один из присутствующих, как потом я узнала проф. Ревякин, спросил меня, в каких отношениях я нахожусь с Белоцерковским, что так защищаю его. Я ответила: «В человеческих. Белоцерковский был моим студентом, и я познакомила его с проф. Козьминым, с которым мне довелось много говорить по проблеме народничества». Интересно, что по мере того, как я отвечала на вопросы, тон министра менялся, становился значительно мягче. К концу обсуждения он стал называть меня не по фамилии, а по имени-отчеству и, словно извиняясь, сказал, что в правилах ВАКа безусловно лишать степени можно в двух случаях — эксперимента над живыми людьми и вывода экспертной комиссии о наличии плагиата. Под конец он сказал, что Белоцерковский безусловно будет лишен степени, но что Ученый совет ВГУ мы защитили.

Соседа своего я не успела поблагодарить: он исчез тотчас же, как только объявили об окончании Пленума. Мы вышли с Лазарем Борисовичем в прихожую, некоторое время сидели, не имея сил подняться и уйти. Лазарь Борисович сказал с горечью, что у него такое чувство, что будто он сам совершил плагиат. Подошел проф.

Н.И. Кравцов и сказал, пожав мне руку: «Вы мужественно защищались. Спасибо». И тут я неожиданно услышала от подошедшего к нам референта: «Полина Андреевна, Вячеслав Петрович (Елютин) просил передать Вам, что доводы Ваши были очень серьезны, но что другого решения быть не может».

Было очень тяжело на душе, особенно दुшила обида за Лазаря Борисовича, которого фактически оскорбили, не дав ему высказаться. Он был так поражен несправедливостью происшедшего, что, думаю, что его преждевременная смерть была связана и с этим. Лазарь Борисович Генкин вскоре умер от инфаркта.

История с А.Г. Белоцерковским имела продолжение. Вскоре я поехала в Москву с В.И. Собинниковой на защиту ее докторской диссертации. На банкете, в гостинице «Россия», я оказалась рядом с человеком, которого, мне казалось, я когда-то видела. Разговорились. Зашел разговор о деле Белоцерковского. Мой сосед с уверенностью сказал о плагиате. А я ему рассказала о связи этого «дела» с научными доводами Б.П. Козьмина. И вдруг мой сосед изменился в лице и вскоре ушел, сославшись на какие-то неотложные дела. Оказывается это был ученый-историк, друг Бориса Павловича, И. Клабуновский, которого я, по-видимому, встречала в доме Козьминых. Потом я узнала, что московские профессора, в том числе проф. Ревякин, устроили Белоцерковскому какую-то дополнительную защиту или перезащиту — толком не могу сказать, в результате чего ему была возвращена степень кандидата филологического наук. Белоцерковский стал активно работать над докторской диссертацией, но через некоторое время умер от онкологической болезни. Умер он в Воронеже. Его мать позвонила мне, и я попрощалась с этим человеком, ставшим жертвой интриг, царивших в научном мире. Его жена оставалась в Арзамасе, я изредка переписывалась с ней, что же касается матери, то она постоянно звонила мне, поздравляла с праздниками, интересовалась моими делами.

Так закончилась эта грустная и некрасивая история, о которой я решила поведать тем, кто интересуется историей Воронежского государственного университета.